

ВЕЛИКИЙ ВЕЗИРЬ ХИЛЬМИ-ПАША В РОССИИ

GRAND VIZIER HÜSEYİN HİLMİ PASHA AND HIS JOURNEY TO
RUSSIA

Альфина Сибгатуллина (Elfine Sibgatullina)*

Abstract:

In this study, it is mentioned a journey which Ottoman's former grand vizier Hüseyin Hilmi Pasha traveled to Russia in 1910. During this unofficial journey, Hüseyin Hilmi Pasha has met with Muslim Turks living in Saint Petersburg, Moscow, Kazan, Samarra and told his thoughts on their sustenance. In Russian and Tatar newspapers of that time, it had been written and discussed on this journey. As sources, we have taken the columns published in newspapers of 'Novoye Vremya' (Saint Petersburg), 'Vakit' (Orenburg), 'Yıldız' (Kazan) etc and the reports of two scholars, N. F. Katanov and N. Ashmarin, who guided and interpreted for Hilmi Pasha while he was in Kazan.

Key Words: Hilmi Pasha, Russia, Muslims, Saint Petersburg, Moscow, Kazan, Samarra, Newspapers of 'Vakit', 'Novoye Vremya', 'Yıldız', N. F. Katanov, N. I. Ashmarin.

Россия как соседняя страна с уникальной культурой начинает открываться для турок в начале XX века благодаря визитам таких видных государственных деятелей, как бывшего садразама Хусейна Хильми-паши (1910 г.), писателя и публициста Джелала Нури Иляри (1912 г.), директора департамента кадастров Махмуда Эсада (1913 г.). Их приезды в центральную часть России не преследовали какие-либо политико-дипломатические цели, скорее всего были личного характера: увидеть и составить собственное впечатление о государственной и общественной жизни России, чтобы потом поделиться с соотечественниками. Тем не менее пребывание иностранных гостей широко освещалось как в русской, так и мусульманской прессе России.

Приезду в Россию в 1910 г. бывшего садразама Османской империи Хусейна Хильми-паши **, «с уровнем европейского дипломата

* Проф. Др., Институт Востоковедения - Москва РАН. alfina2003@yandex.ru
Prof. Dr., Rusya Bilimler Akademisi Şarkiyat Enstitüsü - Moskova/Rusya.

** Хусейн Хильми-паша (1855-1922), видный государственный чиновник, был садразамом при султанах Абдульхамите II (14.02.1909-13.04.1909) и султанах Мехмет Решате V (5.05.1909-28.12.1909), до этого служил губернатором Аданы, Египта, генеральным инспектором в Македонии. После объявления в 1908 г. Конституции руководство партии «Единение и

с широкими, ясными взглядами на будущее»¹, как писали о нем газеты, было уделено большое внимание как на правительственном уровне, так и со стороны простой публики. Российская пресса освещала это событие в полной мере, так как, по выражению бахчисарайской газеты «Тарджеман», «хотя этот энергичный участник турецкого переворота и первый великий везир со времени революции сошел пока со сцены, он все же не стоял в стороне от политики, и поэтому его поездка имела большое значение»².

Хильми-паша прибыл в Петербург днем 26 марта из Германии в рамках своего неправительственного турне по Европе. На вокзале его встретили посол Турции Турхан-паша с подчиненными, секретарь Министерства иностранных дел России и другие важные чины. Были произнесены приветственные речи. Хильми-паша устроился в гостинице «Европейская»³. В тот же день вместе с послом Турции Турхан-пашой посетил товарища министра иностранных дел С. Д. Сазонова. В 8 часов вечера в здании турецкого посольства был дан торжественный ужин в честь высокого гостя. На следующий день Хильми-паша посетил Государственную думу, где встретил своего знакомого депутата П. Н. Милюкова и долго с ним общался.

Хильми-паша был принят самим государем императором Николаем II в Царском Селе, где состоялась обстоятельная беседа и была вручена государственная награда России.

Во время пребывания в Петербурге Хильми-паша вместе с представителями турецкого посольства во главе с Турхан-пашой посетил редакцию газеты «Новое время». В ответ на этот визит редактор «Нового времени» М. А. Суворин с сотрудниками устроили в ресторане «Кюба» обед в честь гостя, на котором присутствовали собственно Хильми-паша, Турхан-паша, советник турецкого посольства Рагиб Раиф бей, второй секретарь турецкого посольства Эссад-бей, военный агент Рамзи бей, драгоман посольства Л. Л. Линевич и консул Ганри Бальвин, корректор зарубежной печати, председатель и члены Государственной думы, члены Государственного совета.

Первый тост на французском языке произнес М. А. Суворин, затем сотрудник «Нового времени» А. А. Столыпин. Бывший великий везир произнес ответную речь. Член Государственной думы С.

Прогресс» пригласило его в правительство Камиль-паши министром внутренних дел. В 1912 г. был направлен чрезвычайным и уполномоченным послом в Вену, где жил и работал до конца своей жизни. Похоронен в Стамбуле.

¹ Мусульманская печать России в 1910 году. Составлено по распоряжению г. начальника Главного управления по делам печати под редакцией Владимира Гольмстрема. Издание Общества исследования Средней Азии. – Лондон, 1987. – С. 40.

² Там же, С.40.

³ Хесен Хилми паша Петербуртта// Вақыт. - 1910. № 599. - 1 апреля.

Максудов назвал Хильми-пашу «первым турком, приехавшим в Россию после объявления конституционного режима»⁴. А первым русским деятелем, посетившим Турцию после объявления нового режима, был председатель Государственной думы А. И. Гучков, который также присутствовал на ужине. Обед закончился интересным концертом — оркестром балалаечников⁵.

Встреча с Хильми-пашой была названа газетой «Новое время» «маленьким интимным праздником литературно-дипломатического обмена мыслей», который заслуживает быть отмеченным как «первая в России попытка общественного сближения с соседней страной, соприкасающейся с нашим отечеством границами, но отдаленного давним взаимным недоверием, настойчивыми воинами, глубоким соперничеством интересов, крайним различием рас, цивилизаций и веры»⁶. Размышляя об отношениях между двумя государствами, газета пишет: «Загадочный замысел судьбы заставил жить в ближайшем соседстве две страны, казалось бы менее пригодные для такого соседства. Над этим приходится в конце концов задуматься. Надо вникнуть в причины исторической вражды и поискать из нее другой выход, кроме вечной борьбы. Почти одновременное введение и в России, и в Турции, хотя и в разных формах, представительного строя представило некоторую почву для попытки ближе узнать и понять друг друга. Приезд в Россию такого крупного и влиятельного государственного человека, как Хильми-паша, показывает, что в турецком обществе является потребность в улучшении отношений с Россией. В Турции прежней, старой, русскому обществу интресоваться было бы нечем. Но одно уже торжество идей свободы и права даже в этой стране — казалось, осужденной историей — не может не возбудить к себе в русском обществе и большого интереса, и живого сочувствия. Если смотреть на современную нам Турцию только как на яркую демонстрацию воскрешающего и возрождающего действия политической свободы, соединенной с национальным самосознанием, — даже и тогда нынешняя, преобразующаяся Турция невольно притягивает к себе наше внимание»⁷.

Крупный государственный чиновник «вчерашнего» и «завтрашнего» дня, как метко назвал его член Государственной думы от мусульман Максудов, Хильми-паша прекрасно понимал сущность положения. Его большая и очень содержательная речь, произнесенная на обеде газеты «Новое время», прозвучала как «обращение к русским общественным деятелям, призыв на почве цивилизации, просвещения, свободы и справедливости найти точки для сближения русского

⁴ Новое время. - 1910 - 4 апреля.

⁵ Новое время. - 1910 - 4 (17) апреля.

⁶ Новое время. - 1910 - 5 апреля.

⁷ Там же.

общества с турецким для примерения интересов, для смягчения противоречий»⁸. Анализируя это выступление, «Новое слово» спрашивало: «Возможно ли это? Это зависит прежде всего от того, насколько турецкое общество может оказаться интересным и привлекательным для русских своей культурой, творчеством, социальной жизнью, продуктами своей производительности. Во всяком случае отраден всякий шаг к попытке разрешить мирным и естественным путем острые исторические противоречия, разделяющие два великих мира Восточной Европы. Примерение оттоманства со славянством было бы поистине переломом европейской истории. Некоторое начало ему, может быть, давно уже положено Россией в дружном сожительстве русского народа с магометанскими подданными России»⁹.

7 апреля из Петербурга Хильми-паша уехал в Москву. Там в доме московского купца Байбекова ему был дан банкет, куда были приглашены мусульманская интеллигенция города. Собравшиеся задали Хильми-паше вопросы, более всего волновавшие мусульман в то время, как-то: по какому методу, новому или старому, нужно учиться в школах; следует ли в мектебе вводить светские науки и др. В своих ответах «турецкий государственный муж показал себя большим дипломатом, стремящимся лишь объединить своих соплеменников. На первый вопрос паша ответил уклончиво, что “старый метод” не так давно считался новым, а “новый”, в свою очередь, может быть признан устаревшим, поэтому должно учить по тому методу, который лучше. На второй вопрос он дал положительный ответ: необходимо преподавать в начальной школе светские науки. В Турции этот вопрос не чувствовался так остро, так как турецкое духовенство никогда не восставало и не восстанет против введения в программу начальных мусульманских школ преподавания светских предметов. К сожалению, этого нельзя сказать про мусульманское духовенство России»¹⁰. На вопрос, что необходимо по его мнению сначала — мечеть или медресе, турецкий политик поставил на первый план школу.

15 апреля Хильми-паша приехал в Казань на пароходе «Достоевский» общества «Самолет». Его встретила администрация города: вице-губернатор Г. Б. Петкевич, начальник Казанского губернского жандармского управления К. И. Калинин, городской голова С. А. Бекетов, полицмейстер А. И. Васильев, член Казанского временного комитета по делам печати Н. И. Ашмарин, профессор университета Н. Ф. Катанов. Ученые Н. И. Ашмарин и Н. Ф. Катанов в течение трех дней постоянно находились рядом с Хильми-пашой,

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Мусульманская печать России в 1910 году. С.40-41.

сопровождали его по всем местам, которые он хотел посмотреть. Казанцы оказали большое внимание турецкому везиру, «тысячными толпами», как писали Ашмарин и Катанов в своем отчете, встречая и провожая гостя, куда бы тот ни приезжал.

Находясь в медресе «Мухаммадия» и в других учебных заведениях, Хильми-паша экзаменовал детей по разным дисциплинам, но больше всего его интересовало, изучают ли и как изучают русский язык мусульманские учащиеся. Видимо, он понимал, что российские мусульмане должны воспринимать достижения европейской науки прежде всего через русский язык. Он несколько раз обращал внимание своих мусульманских собеседников на эту проблему. Хотя и открыто не выражал недовольства состоянием мусульманских школ Казани, он замечал их некоторую закрытость от всего прогрессивного в мире. По его мнению, именно выпускники русско-татарских школ могут получать места на государственной службе или же поступать на медицинские или юридические факультеты.

Во время посещения мыловаренного завода Хильми-паша дал несколько предложений его руководству, а именно: размещение рекламы завода на собственной продукции, изготовление качественного мыла для среднего класса потребителя в более доступных размерах и т. д. Дальновидный государственный чиновник Хильми-паша понимал, что татарские предприниматели значительно отстают от своих русских конкурентов. Для того, чтобы достойно конкурировать, они должны постоянно осваивать новые технологии и бороться за каждого потребителя.

Ровно в час дня 17 апреля 1910 г. пароход увез Хильми-пашу вниз по Волге. В Самаре Хильми-пашу встретили губернатор, полицмейстер и другие высокие чины. Мусульмане не были оповещены о приезде, поэтому присутствовал только Хусейн хаджи Хусейнов из Оренбурга, случайно оказавшийся на самарской пристани. Хильми-паша устроился в гостинице Иванова, где ему были выделены три специальных номера с восточным убранством. Пробыл он в городе всего один день. Казанская газета «Йолдыз» предполагала, что дальше Хильми-паша поедет по маршруту Оренбург — Ташкент и, посетив эти города, прибудет в Баку или спустится вниз по Волге до Астрахани⁹, но Хильми-паша остался верным прежнему плану и поехал через Харьков в Варшаву.

Сотрудник газеты «Свободное Слово», пользуясь проездом Хильми-паши через Варшаву, попросил его поделиться впечатлениями, вынесенными им из его поездки по России.

«Своей поездкой по России я очень доволен, — сказал Хильми-паша. — Я предполагал пробыть у вас только 10 дней и, как видите, остался больше чем на месяц. Зато я видел не только столицы, но побывал и в глубинке России, на Волге. А кто хочет узнать Россию,

должен непременно видеть Волгу. Особенно радушный прием я встретил в Казани. Местный губернатор мне предложил остаться у себя. О России и россиянах я увожу самые лучшие воспоминания. Когда я вернусь на родину, я эти впечатления передам моим соотечественникам и думаю, что это поможет сближению двух дружественных соседей»¹⁰.

В интервью, данном редактору самарского журнала «Иктисад» Ф. Муртазину, Хильми-паша признался, что до сих пор турки мало представляют себе жизнь российских мусульман. После приезда на родину, он мечтает отправить в Россию группу османских торговцев, так как торговые связи с мусульманами России довольно слабые. Он также выразил надежду, что дружба с Россией с каждым годом будет усиливаться. Цели своего приезда в Россию паша назвал экономическими: хотел посмотреть на заводы и фабрики, а до Самары он поехал, чтобы увидеть всецело Волгу. Когда корреспондент спросил у Хильми-паши, как он оценивает состояние российских мусульман, тот уклончиво ответил, что в наш век нужно очень много трудиться в области образования и науки. При встрече с ним император России выразил чувство своего удовлетворения верноподданническим поведением мусульман России, в таком случае, заметил Хильми-паша, верноподданным гражданам нет никаких преград на пути к прогрессу¹¹.

В целом российские газеты с удовлетворением писали, что в России было оказано достойное внимание великому везиру¹². Однако в Турции были и резкие отклики по поводу выступлений Хильми-паши. «Посещение бывшим садразамом Хильми-пашой в сопровождении турецкого посла в Петербурге Турхан-паши редакции “Нового времени” и банкет, устроенный этою последней в их честь, — пишет Ахмет Агаев¹³ из Турции, — произвели здесь большой шум и послужили предметом горячей полемики среди местной печати. Часть этой последней нашли и банкет, и принятие его со стороны вышеназванных лиц крайне неуместными, идущими вразрез с национальными достоинствами Турции. Редакция “Нового времени” в

¹¹ Вақыт. - 1910 - №609.

¹² Вақыт. - 1910 - № 599 - 1 апреля.; Бяжел-хак. - 1910 - №605 – 25 апреля.

¹³ Ахмет Агаев - Агаев, Ахмет-бек (1869-1939) - видный азербайджанский публицист, критик, ученый-востоковед, общественный деятель. Он родился в Шуше и к 16-ти годам, окончив Тифлисскую гимназию, продолжил свою учебу во Франции, в юридической школе, в Сорбонне, где он слушал лекции востоковедов и философов. После возвращения на родину с 1898 года сотрудничал в газетах “Каспий”, “Хаят”, “Ириад”, “Таракки”. В 1908 году уехал в Стамбул, где преподавал и активно участвовал в движении младотурков. В 1918 году вернулся на южный Кавказ в качестве советника турецкой армии. Будучи в составе азербайджанской делегации в Версале (1919), он был арестован по обвинению в участии в заговоре младотурков и сослан на Мальту. После возвращения в Турцию в 1921 году Агаев был депутатом парламента, преподавателем вуза и занимался публицистикой.

глазах либеральных партий России является символом реакции и преследования инородцев. Посещение двумя представителями революционной Турции является, по мнению этой части прессы, не только оскорблением и вызовом по адресу этих партий в России, но также изменой принципам, на которых построена современная Турция. Мало того, “Новое время” всегда выделялось среди русской прессы своими резкими нападками на Турцию и особенно помнят здесь статьи Меньшикова, появившиеся в этой газете и посвященные новому турецкому режиму. И вот, среди всей русской прессы выделить только этот орган печати, сделать ему визит и принять от него банкет — значит, по мнению той же турецкой прессы, не быть на высоте национального достоинства страны¹⁴. Тем не менее газета «Вақыт», внимательно следившая за деятельностью российских газет, заметила перемены в идеологической линии «Нового Времени» после поездки собственного корреспондента этой газеты в Турцию¹⁵.

В своем более позднем интервью, данном Вагизу Наврузову, Хильми паша сказал, что в России, конечно же, найдутся люди, которые захотят предвзято истолковать его пребывание среди российских мусульман, но “я с самого первого дня своей поездки подчеркивал и сейчас это повторяю, что приезжал в Россию не с целью собирать деньги для строительства турецких военных кораблей, как думают некоторые. Турция никогда не просила материальной помощи от единоверцев в России. Молодая Турция хочет жить в добром соседстве с Россией. Мой приезд был осуществлен в целях укрепления дружбы между двумя странами. У меня нет враждебных чувств, пусть русские будут в этом уверены. В России мне было оказано большое уважение как со стороны правительства, так и со стороны населения. Сердечно благодарен за это. В ближайшее время хочу организовать путешествие через Сибирь в Японию, Китай и Америку”¹⁶.

иже мы представляем отчет о пребывании Хильми-паши в Казани, составленный Н. Ф. Катановым и Н. И. Ашмариним.

Из отчета о пребывании Хильми-паши в Казани Н. Ф. Катанова и Н. И. Ашмарина

[...] В четверг 15 апреля к 10 часам утра на пристань пароходного общества «Самолет» ко встрече Хильми-паша прибыли: вице-губернатор Георгий Болеславович Петкевич, начальник Казанского губернского жандармского управления Константин Иванович Калинин, городской голова Сергей Андреевич Бекетов, полицмейстер Алексей

¹⁴ Агаев Ахмет бек. Письма из Турции // Каспий. – 1910 - 6 мая; Йолдыз. - 1910 - 31 мая.

¹⁵ Вақыт. - 1909 - № 494 - 14 июля.

¹⁶ Вәгъиз Нәүрүзи. *Истанбул сәяхәте*.// Йолдыз. 1910 - №597 - 4 октябрь.

Иванович Васильев и члены Казанского временного комитета по делам печати Николай Иванович Ашмарин и профессор университета Николай Федорович Катанов. Последние 3 лица (гг. Васильев, Ашмарин и Катанов) все 3 дня пребывания Хильми-паши в Казани (15, 16, 17 апреля 1910 г.), а г. казанский губернатор Михаил Васильевич Стрижевский последние 2 дня находились при Хильми-паше все время неотлучно, сопровождая его всюду, куда бы он ни ездил. Кроме того, встретил, всюду сопровождал и проводил Хильми-пашу жительствующий в Адмиралтейской слободе ахун Шарафуддин Абызов, кроме упомянутых здесь 7 лиц. Хильми-пашу на пристани в 10 ч[асов] у[тра] встретили несколько татар, бывших тут, по-видимому, случайно.

С пристани Хильми-паша в сопровождении вице-губернатора, полицмейстера, гг. Абызова, Ашмарина и Катанова отправился в Казань на Воскресенскую улицу в гостиницу «Франция».

По прибытии в гостиницу профессор Н. Ф. Катанов и Н. И. Ашмарин обратились к Хильми-паше с предложением ему своих услуг при обозрении города в качестве переводчиков и разъяснителей по части местной археологии, истории и этнографии и просили его о сообщении им, в каком порядке он, Хильми-паша, желал бы обозреть достопримечательности города и что именно было бы ему желательно осмотреть. Хильми-паша сказал, что он желает осмотреть в Казани: 1) Академию восточных языков, 2) фабрики и заводы (сукна, шелка и пр.) 3) Благовещенский собор, 4) Сююмбекину башню, 5) городской музей, 6) татарский город, 7) мечети.

По взаимному совещанию определено 15 апреля осмотреть все, что находится на Воскресенской улице и в Кремле, а 16 и 17 апреля осмотреть татарскую часть города с мечетями, медресами и заводами. Об этом общем определении немедленно же было сообщено для соответствующих распоряжений полицмейстеру А. И. Васильеву.

Затем Н. Ф. Катанов, для предварительного ознакомления Хильми-паши с достопримечательностями города Казани представил ему 4 серии художественных и фотографических снимков г. Казани общою стоимостью 3 рубля и спросил, сколько дней почетный гость предполагает пробыть в Казани и куда он намерен отправиться из Казани и с какого часа угодно будет гостю начать сегодня обозрение города. На это Хильми-паша ответил, что он думает пробыть здесь до 1 часу 17 апреля, затем отправится на самолетном пароходе до Самары, из Самары на Сибирском экспрессе доедет до Москвы, из Москвы через Варшаву поедет в Вену, сегодня же он после приведения в порядок своего туалета с 2 часов дня готов будет осматривать город.

В 12 ч[асов] д[ня] Н. Ф. Катанов и Н. И. Ашмарин оставили Хильми-пашу в номере и удалились до 2 ч[асов] д[ня], причем рядом с номером оставался лакей паши Ибрагим, отлично говорящий по-русски и посредственно по-турецки и татарски, к лакею на все 3 дня было приставлено двое городских, знакомых с городом, на случай, если бы лакей пожелал для себя или Хильми-паши достать что-либо из города. В 2 ч[аса] д[ня] к Хильми-паше вместе с ахунтом Ш. Абызовым пришло несколько татар, в том числе Исмагил Каримов, сын владельца типографии, учившийся в Германии (Лейпциге) типографскому делу, и несколько др[угих] лиц, приветствовавших Хильми-пашу с благополучным прибытием и пожелавших ему здоровья и благополучия и на будущее время.

Затем Хильми-паша в сопровождении Н. Ф. Катанова и Н. И. Ашмарина отправился на Большую Проломную улицу в Северный банк, где он получил денежный перевод в размере 500 рублей. Ввиду желания Хильми-паши ориентироваться в топографии города и его слободе, а также в истории ханств Болгарского и Казанского, Н. И. Ашмарин и Н. Ф. Катанов представили ему подробный план Казани со слободами, купленный Н. И. Ашмариним в магазине Бреева, а Н. Ф. Катанов, кроме того, сообщил ему вкратце историю болгар от Айдар-хана до разрушения их в 1431 г. русским князем Пестрым и историю Казани от хана Улу-Махмета , в 1445 г., до хана Едигера, в 1552, причем Катанов заметил, что история упомянутых ханств лучше устанавливается с помощью арабских и русских источников, нежели с помощью рассказов татарских, изобретших сказки про котел (Казань) и свиней (Кабан).

Из Северного банка Хильми-паша отправился в университет. Прежде всего почетный гость направился в главную библиотеку. Тут он обратил внимание на вделанный в стену вестибюля могольный памятник из с. Болгар, снабженный арабской датой 4 ч. джумади 11-года 690 года хиджры (по-русски: 4 июня 1291 г.) и положенный над могилой Сабар-Ильчжи, дочери князя Бураша. Объясняя гостю содержание памятника, Н. Ф. Катанов между прочим заметил, что к тому же XIII веку относится другой памятник, но найденный в самой Казани, на Архиерейской даче, и что благодаря этому твердо устанавливается существование г. Казани еще до разрушения г. Болгар — сначала в 1361 золотоордынским ханом Булат Тимуром, а потом в 1431 г. русским князем Пестрым.

В библиотеке Хильми-паша прежде всего осматривал кабинет древностей русских и восточных. Из последних особенное внимание привлекло весьма древнее Пятикнижие Моисея на еврейском языке, на 50 кожах, складывающееся в особый цилиндр. Кроме того, Хильми-

паше были представлены восточные рукописи, из которых он видел между прочим: чагатайский «Сборник изречений» (Диван хикмет) Ходжи Ахмеда Ясави, умершего в 1166 г., турецкий «Сборник притч в честь Мухаммеда» («Мухамедие») Языджи-оглу, умершего в 1449 г., и некоторые другие сочинения XVII в. Библиотека с кабинетом редкостей была показана библиотекарем Николаем Степановичем Васильевым.

Из университетской библиотеки в сопровождении помощника попечителя учебного округа Петра Дмитриевича Погодина, ректора университета проф[ессора] Григория Федоровича Дормидонтова и проректора университета Владимира Николаевича Тонкова Хильми-паша перешел в мюнц-кабинет, где директор кабинета проф[ессор] Дарий Ильич Нагуевский демонстрировал монеты западные и восточные. Из последних внимание паши привлекли монеты сасанидские, а из западных — древнерусские. Осматривая древние монеты, Хильми-паша между прочим заметил, что древности особенно ценны тогда, когда их понимают и народные массы. При уходе из мюнц-кабинета Хильми-паша расписался в книге почетных посетителей и поблагодарил проф[ессора] Д. И. Нагуевского за данные ему объяснения и за подаренные ему в дар каталоги монет русских, персидских и др.

42

Затем проф[ессор] Алексей Максимович Миронов, директор музея изящных искусств, показывал гостю предметы своего музея, при осмотрении которых Хильми-паша высказывал свою осведомленность и в античном искусстве.

Из музея изящных искусств Хильми-паша перешел в актовъй зал университета, где интересовался портретами российских государей, расспрашивал о количестве учащихся, о том, какие имеются в университете факультеты и какие преподаются языки. Несмотря на последние дни Страстной седмицы, на дворе, в вестибюле университета и у парадного крыльца собралась большая толпа студентов, которая молча наблюдала за встречей и проходами Хильми-паши.

Из университета Хильми-паша отправился в городской научно-промышленный музей. Тут он был встречен городским головой С. А. Бекетовым, гласным думы татаринном Иманкуловым и хранителем музея Эммануилом Даниловичем Пельцамом. Внимание Хильми-паши в городском музее было привлечено старинным русским вооружением, как-то: пистолетами, кольчугами и саблями. Затем он осматривал все отделы музея, причем подолгу интересовался каждой вещичкой и с интересом обо всем расспрашивал. Но более всего он интересовался предметами болгарской старины и костюмами приволжских инородцев:

татар, черемис, пермяков и пр., обратил внимание и на турецкие документы (квитанции, деньги и пр.). При уходе из музея гость расписался гусиным пером в книге почетных гостей и поблагодарил гг. Бекетова, Пельцама и Катанова (последнего, как председателя музея) за объяснения и за поднесенные в дар 5 каталогов музея.

Из городского музея Хильми-паша проследовал в Казанскую городскую управу, куда пригласил его городской голова С. А. Бекетов. В городской управе Хильми-паша заинтересовался сметой городских доходов и расходов, а в заключение попросил дать ему отчеты по городскому самоуправлению, каковые и были ему поднесены. В управе объяснения гостю давали гг. Бекетов и Майков. При обозрении управы Хильми-паша между прочим заметил, что городское управление лишь тогда хорошо, когда к нему вполне подготовлено само население.

Из городской управы Хильми-паша проехал прямо в Благовещенский кафедральный собор, о котором он знал, как о месте, где почивают мощи Св. Гурия, первого проповедника христианства в Казанском крае. Входя в собор, Хильми-паша снял с головы феску, потом прошел направо и через проф[ессора] Н. Ф. Катанова стал расспрашивать о ключаря Петра Александровича Рождественского о старинных иконах и др[угих] достопримечательностях собора, причем в архитектуре собора заметил сходство с Московским Успенским собором, а затем обратил внимание присутствующих на то, что в турецких христианских храмах электричества, как новшества, из приверженности к старине, все еще не допускают, продолжая употреблять оливковое масло. На прощание о. Рождественский поднес почетному посетителю в дар печатное описание собора.

По осмотру собора Хильми-паша прошел к башне Сююмбеки, о которой, равно как и других достопримечательностях города, он узнал из «путеводителя» Бедекера. Бедекер, по словам Хильми-паша, говорит, что древности принадлежат лишь нижние 4 яруса; поэтому-де он осмотрел лишь эти ярусы. Наверх он взобрался с Н. И. Ашмариним и А. И. Васильевым, полицмейстером и любовался оттуда окрестностями Казани, причем имея под руками план города, сразу ориентировался в дотоле неизвестной ему местности, спрашивал г. Ашмарина, где и куда течет Волга, где находятся Алафузовские фабрики и заводы и пр. С большим интересом расспрашивал про памятник убиенным при взятии Казани воинам и пр., взглянув с башни на губернаторский дворец, определил возраст ему в 60 лет. Когда он спустился на землю, проф[ессор] Н. Ф. Катанов сообщил, что, по общепринятому мнению, верхушка башни надстроена при императрице Анны Ивановны и что этой верхушки не видно на снимках Казани,

сделанных путешественниками, например, начала XVIII, конца XVII века.

От башни Хильми-паша прошел в покои губернатора, где супругой г. губернатора был предложен почетному гостю кофе.

Лишь вечером, около 6 часов Хильми-паша вернулся в гостиницу «Франция», у которой ждала его уже большая толпа зрителей. Как только высокий гость вошел к себе в номер, сейчас же подали свои визитные карточки татары: Мухаммед-Рахим Исхакович Юнусов, директор мусульманского детского приюта; Бедруддин Апанаев, купец-оптовщик; Исмагил Утямышев, купец; Ахмед-Хади Низамович Максудов, редактор-издатель газеты «Юлдуз». Войдя к Хильми-паше, упомянутые лица поклонились ему и, поздравивши его с благополучным прибытием, выразили желание чествовать его вечером 16 апреля, часов в 8 вечера от имени всех мусульман (купцов, мулл и др[угих] лиц) в Купеческом клубе на Большой Проломной улице, на что и получили согласие. Бедруддин Апанаев, кроме того, пригласил к себе на 16 апреля в 2 часа дня позавтракать и тоже получил согласие. Затем А. Г. Н. Максудов поднес Хильми-паше в дар до 20 своих изданий. Паша с благодарностью принял это подношение, внимательно пересмотрел те из изданий, которые были написаны г. Максудовым по-турецки, и указал на некоторые неточности в орфографии и стилистике. При этом Хильми-паша заметил, что русские мусульмане прекрасно делают, интересуясь и турецким языком, что тем не менее для них столь же важно было бы изучать, как турецкий язык, и русский, и изучение последнего во многих отношениях практически, пожалуй, было бы даже полезнее изучения языка турецкого, потому что, во-первых, Россия для них — родина-мать, а во-вторых, чем больше человек изучает языков, тем сильнее раскрываются двери его знаний, ибо человек, изучивший 2 языка, равняется двум человекам, а изучивший 3 языка — трем и т. д. Потом присутствующие завели речь о борьбе в Казани за методы преподавания — старый, строго схоластически-богословский, и новый — с введением в школьный мусульманский курс и светских предметов, при обучении детей по новому, звуковому методу взамен старого, слогового, Хильми-паша сказал, что подобная борьба нового со старым, богословского направления со светским, была некогда и в Турции, что впоследствии к общему удовольствию она прекратилась и что то же случится, конечно, и в России у мусульман. М-Р. Юнусов [...] заметил, что дорогой гость прибыл в такую страну, где мусульмане и другие инородцы весьма довольны своей жизнью, ибо пользуются в ней такими же гражданскими правами, как и коренные русские. Хильми-паша благодарил посетителей за выраженные ему чувства приветия и

высказал надежду повидаться с ними и в следующие дни, после чего все посетители ушли домой.

Затем Хильми-паша обратился к проф[ессору] Н. Ф. Катанову с просьбой о сообщении ему, во-первых, сведений о числе, религии и местах обитания волжских и сибирских инородцев, говорящих на татарских диалектах; во-вторых, программ лекций, читаемых на всех 4 факультетах университета, в том числе и по восточным языкам; в третьих, сведений о родственных отношениях казанских, золотоордынских и крымских ханов к Чингиз-хану и, в четвертых, сведений о взаимном сходстве и различий татарских диалектов. Н. Ф. Катанов обещал доставить ему просимые сведения на другой день, но предупредил, что эти сведения, как извлечения из печатных книг, будут все по-русски. На это Хильми-паша заметил, что у него в Константинополе есть секретарь, знающий отлично по-русски, и что этот секретарь переведет ему все по-турецки.

Часов в 8 Хильми-паша заявил, что желает принять ванну, а затем, немного отдохнувши, занести путевые впечатления в записную книжку, и бывшие все время при нем гг. Ашмарин и Катанов уехали домой.

16 апреля 1910 года, пятница.

В 9 ч[асов] у[тра] пришли к Хильми-паше Н. И. Ашмарин, Н. Ф. Катанов. Последний из них поднес ему свои сочинения: «Родословие Чингиз-хана и сына его Джучи-хана», «Сравнительные фонетические таблицы древних и новых татарских диалектов», «Обозрение преподавания в Казанском университете в 1909-1910 акад. год., «Описание эпиграфического памятника Волжской Болгарии», виденного Хильми-пашой 15 апреля, поднес также рукописные выписки об инородцах угорского и татарского происхождения из «Энциклопедического словаря» Филиппова.

Вслед за гг. Ашмариним и Катановым пришел к Хильми-паше редактор газеты «Баянкуль-хак» Ахмедзян Яхъич Сайдашев и поднес ему в подарок издания своей газеты — «История Болгар» и «История Казани», написанные Гайнуддином Назмуддиновичем Ахмаровым и составляющие собою лекции, читанные им в Восточном клубе.

Ровно в 10 ч[асов] у[тра] приехал к Хильми-паше г. казанский губернатор Михаил Васильевич Стрижевский и приветствовал его с благополучным прибытием в Казань.

В 10 ч[асов] у[тра] Хильми-паша в сопровождении М. В. Стрижевского и гг. Ашмарина и Катанова направился в татарскую часть города. До них в татарскую часть города поехали: ахунд Ш.

Абызов, редактор-издатель газеты «Юлдуз» А-Г. Н. Максудов и типограф И. Каримов. Хильми-паша прежде всего посетил медресе «Мухаммадия», называемую по-русски Галеевской медресой. Почетный посетитель был во всех 10 классах медресе: 4 классах младшей школы, 4 — средней и 2 — высшей, старшей, и экзаменовал учеников старших и младших, которые, несмотря на пятницу, вместе с учителями были на своих местах. Вопросы ученикам были заданы по грамматике арабского языка, арифметике, географии и логике. Беседа происходила по-турецки, причем ученики давали ответы вполне сознательно, особенно ученики средних и старших классов. Выходя из медресе, Хильми-паша похвалил порядок в медресе и знания учеников по-арабски и турецки. Вообще по настроению его было заметно, что и успехи учащихся, и постановка школьного дела произвели на него весьма приятное впечатление. При переходе из класса в класс Хильми-паша виделся как с администрацией медресе, так и с ее преподавателями: Абдур-Рахман Тевфик, Ахмедзян Мустафа, Рахим, Фатих и др.

[...] Г. губернатору при обозрении классов, представляющих полное подобие классам русским (с партами, классными досками и стенными картами), было доложено, что мусульмане старого закала не желают заводить ничего, напоминающего русскую школу, и что из-за школьных парт, классных досок и стенных карт пришлось много вести борьбы. Хильми-паше был представлен учредитель медресы — мулла Галимдзян Галеев, недавно только вернувшийся из административной ссылки. Прощаясь с учениками последнего класса, Хильми-паша обратился к ним с речью такого содержания: «Так как истинные сыны отечества должны служить прежде всего своему отечеству, а это служба — лучше всего отправляется людьми науки и учения, то завещаю вам подвизаться на пути именно науки и учения». Как при встрече Хильми-паша у медресы, так и проходах его из нее скромно стояла тысячная толпа зрителей-мусульман. Из толпы выделялось несколько татар-юношей, которые делали с Хильми-пашой фотографические снимки. Из Галеевской медресы Хильми-паша, в сопровождении г. губернатора М. В. Стрижевского и гг. Ашмарина и Катанова и др[угих] лиц, перешел наискосок в типографию братьев Каримовых. Тут он подробно ознакомился с постановкой дела, осматривал шрифты, в том числе и турецкий. Объяснения по-турецки давал Исмагил Каримов, сын владельца типографии. Улучив момент, А. Я. Сайдашев по-татарски сказал Хильми-паше, что мусульмане Казани, видя у себя такого высокого гостя, радуются этому, будут всегда гордиться таким посещением и помнить это из рода в род. Посетители восхищались прекрасной постановкой типографского дела, чистотой воздуха в типографии и художественностью некоторых

шрифтов и пр. Из Каримовской типографии поехали посмотреть Азимовскую мечеть, отличающуюся самой красивой архитектурой из всех мечетей. У мечети Хильми-паша был встречен имамом этой мечети. Народу в ней не было. Из Азимовской мечети Хильми-паша поехал осматривать Араслановский мыловаренный завод, где ему были показаны и простые дешевые мыла, и туалетные дорогие. Осматривая мыла, Хильми-паша советовал: пускать в продажу возможно меньшие куски, чтобы могли покупать их и самые бедные люди; помещать на мылах объявления, чтобы знали фабрику и в дальних краях, и ездить за границу с целью лучшего изучения усовершенствованных способов приготовления мыла. Показывая Хильми-паше разные сорта мыла, управляющий показал ему мыло, выпущенное ко дню юбилея публицистической деятельности Исмаила Гаспринского, редактора-издателя бахчисарайского журнала «Переводчик»*, но Хильми-паша счел это мыло с портретом Гаспринского рекламой и не принял его во внимание.

С Араслановского завода мимо старинной (Апанаевской) мечети близ учительской семинарии поехали в мечеть на Сенном базаре, где на улице тихо поджидала гостя тысячная толпа народа. [...] Перед молитвой имам мечети произнес на татарском языке проповедь о ремеслах и промыслах, как занятиях богоугодных. Затем была совершена соборная молитва, причем Хильми-паша находился в первом ряду молящихся, с самой правой стороны, подле кафедры. Богослужение закончилось молитвой о здравии и благоденствии Государя Императора Николая Александровича и Наследника Его Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича и всего Царствующего Дома.

Из соборной мечети Хильми-паша поехал к купцу Бедруддину Апанаеву, подле дома которого стояла уже тысячная толпа мусульман. Б. Апанаевым и его супругой в роскошно убранных апартаментах был сервирован прекрасный и обильный завтрак с чаем. [...] За завтраком прежде всего были провозглашены тосты за здравие Государя Императора, затем за здравие Султана Оттоманской империи. Потом произнесены были речи: на турецком языке А-Г. Максудовым, Б. Апанаевым и Ш. Абызовым в честь прибытия в Казань высокого, сановитого гостя с благодарностью ему за внимание к казанским мусульманам, которых он удостоил своим посещением, а М. В. Стрижевским и С. А. Бекетовым по-французски в честь и здравие высокого гостя и во имя дружественных отношений и культурно-просветительских успехов таких великих держав, как Россия и Турция. Поблагодарив Б. Апанаева и его супругу за угощение, Хильми-паша направился на Крестовниковский завод. С Хильми-пашой при выходе

из дома Апанаева несколько любителей-татар сделали фотографические снимки.

На Крестовниковском заводе Хильми-паша подробно расспрашивал о ходе дела, интересуясь решительно всем. Объяснения давали по-русски мастера и управляющий завода, а переводили их на турецкий язык то гг. Ашмарин и Катанов, то г. Максудов. Управляющий рассказывал о том, как получают стеарин, глицерин и олеин, почему он предпочитает выписывать сало из Австралии, а не из киргизских и калмыцких степей (австралийское сало, оказывается, лучше и дешевле местного, российского), как и что изготавливается заводом и пр.

С Крестовниковского завода Хильми-паша направился в мусульманский детский приют, управляемый М-Р. И. Юнусовым. Перед приютом, несмотря на дождь, стояла толпа народа. Здесь Хильми-паша прежде всего посетил школу, расспрашивал учеников о том, чему и как они учатся, умеют ли читать и писать по-русски. Оставляя приют, Хильми-паша пожелал детям учиться лучше по-русски, так как Россия для них родина. Затем он написал в книге почетных посетителей по-арабски и турецки. По-арабски: «Лучший из людей тот, кто приносит людям пользу», турецкая же запись гласит по-русски следующее: «Посетив настоящий приют, основанный Юнусовым 60 лет тому назад и благополучно просуществовавший до настоящего времени, я чрезвычайно признателен и тронут всем. Желая основателям и руководителям, покинувшим мир божьих милостей, здравствующим же ныне долгой и благоуспешной жизни, а также благ земных и будущих, заканчиваю свою речь. 16 апреля 1910 г., бывший турецкий везир Хусейн-Хильми».

Из приюта Хильми-паша был приглашен к М-Р. Юнусову в дом, где гостям было предложено по чашке кофе в той комнате, в переднем углу которой на столе лежат около 40 листов того самого экз[емпляра] Корана, который имеется в Императорской публичной библиотеке. Осмотрев упомянутые листы и почерк в них, Хильми-паша усомнился в принадлежности Корана руке халифа Османа, потому что, по его мнению, куфический почерк во времена этого халифа еще не достиг такого изящества, какое представляет настоящий экз[емпляр] Корана. По его мнению, самое раннее время, к которому бы можно было его отнести, — 2-3 века гиджры, т. е. VIII-IX; однако и при всем этом показанные ему листы — драгоценные и священные для каждого мусульманина.

Из Юнусовского приюта в 4 ч[асов] д[ня] Хильми-паша поехал в сопровождении г. губернатора М. В. Стрижевского, гг. Ашмарина, Катанова, Васильева и Абызова в губернаторский дворец. Оттуда

Хильми-паша с супругой г. губернатора поехал сначала в училище слепых, а оттуда в Александровский приют, где он с вниманием интересовался и порядком, и постановкой дела. Оттуда к 6 часам он вернулся во дворец и там у губернатора обедал.

Поблагодарив за обед, Хильми-паша [...] отправился на Большую Проломную улицу в Купеческий клуб, куда прибыл в 7.30 ч[асов] в[ечера]. В зале клуба, хорошо убранном, прибыло народу от 75 до 100 человек. [...] Собравшимся прежде всего был предложен чай с закуской, а затем обильный, роскошно сервированный обед. За обедом было произнесено несколько речей. Первый тост был провозглашен г. губернатором М. В. Стрижевским за здравие и благоденствие Государя Императора, причем тост был заключен 3-кратным «ура». Затем А. Я. Сайдашев на русском языке от имени казанских татар приветствовал Хильми-пашу [...] Затем о значении дружеского русско-турецкого в международной политике сближения говорил по-турецки г. Ибрагимов, сын бывшего редактора С[анкт]-Петербургской газеты «Ульфят» Абдур-Рашида Ибрагимова, ныне путешествующего по Японии с целью привлечения сердец к мусульманам России. Затем по-татарски от имени студентов-мусульман говорил студент 1 курса медицинского факультета Абдур-Рахман Ахмедзянович Мустафин, корреспондент оренбургской газеты «Вақыт», который приветствовал Хильми-пашу с благополучным прибытием в Казань, жители которой — мусульмане не могут не гордиться столь памятным для всех их посещением, как посещение высокого гостя Хильми-паши и просил передать привет и константинопольским студентам. Хильми-паша в ответ благодарил Казанский университет за оказанный ему прием и выразил надежду, что отныне между русскими и турецкими университетами установятся добрые отношения, поднял бокал за процветание Казанского университета. Затем по-русски произнес речь бывший член 2-ой Государственной думы Кялимулла Хасанов, который выразил пожелание, чтобы существующие раньше трения во взаимных отношениях России и Турции на будущее время прекратились и заменились отношениями мирными, дружественными. Потом Ш. Абызов вновь произнес ту же речь, которую произносил за завтраком у Б. Апапаева. За Абызовым по-арабски произнес речь редактор-издатель газеты «Юлдуз» А-Г. Н. Максудов, который заявил, что российские мусульмане, покровительствуемые государем императором и пользующиеся у него всеми гражданскими правами, желают быть в крепкой дружбе и единении на научно-культурной почве с мусульманами соседственной, единой с ними державой Турцией. Эту речь Хильми-паша, выслушав внимательно, тут же передал по-французски г. губернатору М. В. Стрижевскому.

Последним произнес речь по-немецки учитель Самигулла Салихов, который, как и предыдущие ораторы, приветствовал высокого гостя с благополучным по России путешествием и пожелал ему здравия на многие годы. Речи за здравие гостя покрывались обыкновенно 3-кратным «мархаба» (милости просим).

Под конец был подан пломбир, изготовленный в виде Сююмбекиной башни с 2-главым орлом вверху. По поводу этого кушанья зашла речь об основателе Казани и о башне Сююмбеки, причем Хильми-паша заметил, что предание о происхождении названия города от котла (Казань), потерянного женщиной, едва ли заслуживает доверия и что правдоподобнее объяснение г. Катанова, что основателем города был татарин «Казань» или «Хасан» (какое прозвище, по Гаммеру, носил Туда-Менгу, внук Батя, царствовавший в 1280-1287 гг.).

Засим в 11 ч[асов] н[очи] Хильми-паша выразил глубокую благодарность обществу мусульман за радушный прием, выразил радостное чувство по поводу образования между Россией и Турцией дружеских и мирных отношений и пожелал, чтобы на многие годы и впредь продолжались отношения, поддерживающие мир и дружбу и способствующие процветанию обеих держав вообще и торгово-промышленных предприятий в частности. Речь Хильми-паши была заключена 3-кратным «ура».

17 апреля 1910 года, суббота.

В 9 ч[асов] у[тра] пришли к Хильми-паше Н. И. Ашмарин и Н. Ф. Катанов. Вслед за ними явились греки гг. Станица и Триантафиллиди, торгующие в Казани кондитерскими товарами. Эти торговцы, как турецкие подданные, сочли долгом представиться бывшему своему сановнику и, получив от него по 1 экземпляру визитных карточек, немедленно же удалились. По уходу греков поднес Хильми-паше свое сочинение «Болгары и чувашаи» член Комитета по делам печати Н. И. Ашмарин, так как Хильми-паша еще накануне интересовался этнографическим составом бывшего Болгарского ханства.

Затем на 3 минуты приходила к Хильми-паше татарка-учительница Амина Фейзханова с 4 девочками. А. Фейзханова доложила, что у нее ученицы занимаются между прочим и рукоделием. Хильми-паша сказал, что если бы он знал об этом раньше, с удовольствием бы посмотрел рукоделие казанских мусульманок, и спросил, изучают ли ее ученицы и русский язык, т. е. язык своей родины. Ему учительница ответила, что изучают, и затем, пожелавши Хильми-паше благополучия и здравия, удалилась. Вслед за учительницей вошли в номер М.-Р. И. Юнусов, А. Я. Сайдашев, А.-Г. Н.

Максудов и студент-мусульманин корреспондент газеты «Вақыт» Мустафин.

[...] Г. Мустафин задал Хильми-паше вопросы о том, довольны ли турки современным положением дел в Турции, сильна ли еще там реакция и можно ли думать, что туркам сочувствуют российские мусульмане. Студенту Хильми-паша ответил, что, хотя он уже давно уехал из Турции, однако думает, что политическое положение ее надо считать самым лучшим и твердо установившимся, что реакции в ней более никакой нет, что дела в Турции идут вообще лучше, чем во всякой республике. Затем Хильми-паша заметил, что процветают вообще и прогрессируют те государства, в которых, как, например, ныне в Турции, люди твердо идут за наукой и знанием. Науки и знания вообще и изучение языков в частности он рекомендовал и российским мусульманам, если они желают участвовать в общечеловеческом прогрессе наук и знаний. Что же касается настроения российских мусульман, то таковое известно г. Мустафину больше, нежели ему самому, и, подавая ему руку, просил не истолковывать его слов в дурную сторону.

В 10 ч[асов] у[тра] прибыл к Хильми-паше губернатор М. В. Стрижевский, а вслед за ним вошли 2 татарки — Юнусова и Богданова, которые говорили с ним минут 10 по-французски, рассказывая о татарках и о себе и прося передать привет турецким дамам, подобно им стремящимся к прогрессу и науке вообще и изучению европейских языков в частности. Юнусова говорила, что с матерью она бывала в Турции, видалась там с турецкими дамами и знает хорошо их жизнь и что отец ее путешествовал и по Западной Европе.

В 10 ч[асов] у[тра] Хильми-паша отдал визит г. городскому голове С. А. Бекетову, жительствовавшему тут же в гостинице Франция, а потом [...] по отдаче визита г. вице-губернатору Г. Б. Петкевичу на Ново-Комиссариатской улице, направился на берег оз. Кабан, в Восточный клуб, где уже были г. городской голова С. А. Бекетов и г. начальник жандармского управления К. И. Калинин.

Посетители прежде всего осмотрели читальный зал, полюбовались оттуда видом на озеро Кабан, а затем приступили к чаепитию. Во время чаепития было произнесено несколько речей, причем первым оратором был председатель клуба стат[ский] сов[етник] Ибрагим Замуллович Терегулов, который по-русски приветствовал гостя и поднес ему в дар свои труды по гигиене, медицине и естествоведению. Хильми-паша выразил радость по поводу приобщения татар к европейской культуре и науке и обещал выслать на имя читальни клуба некоторые турецкие сочинения. Тут же Хильми-паша, г. губернатор М. В. Стрижевский и г. городской голова С. А.

Бекетов администрацией клуба были приглашены в число почетных членов клуба. Затем по поручению членов клуба Абдур-Рахман Карям произнес на турецком языке следующую речь: «Уважаемый г. Паша! Восточный клуб, в который Вы изволили сегодня пожаловать, есть клуб национальный, основанный казанскими мусульманами всего 3 года тому назад, с одной стороны, в целях усиления взаимной любви и братства, а с другой, в целях распространения в народе знаний, и на самом деле клуб довольно ревностно держался до сего дня намеченного пути: раз в неделю читались здесь по разным отраслям знания лекции, устраивались здесь концерты и литературные вечера. Несмотря на крайнюю тесноту помещения, мы стремимся все же вперед к прогрессу. В настоящее время клуб имеет более 120 членов и прекрасную библиотеку. Мы, администрация клуба, а равно и толпящиеся здесь члены его, видя Вас среди нас в клубе, изъявляем крайнюю свою радость и свое счастье по поводу Вашего посещения и благодарим Вас за то, что Вы удостоили оным наш клуб».

Такого же приблизительно содержания речь произнес по-русски по поручению членов клуба Самигулла Салихов.

Хильми-паша, и М. В. Стрижевский, и С. А. Бекетов расписались в книге почетных посетителей [...].

52

Из Восточного клуба Хильми-паша [...] отправился в дом Каримова, владельца осмотренной накануне типографии, и большого на Московской улице книжного магазина. Каримовым были предложены гостям чай и фрукты.

От Каримова Хильми-паша в сопровождении упомянутых 5 лиц и мусульман направился на устье Казанки, на пароходную станцию общества «Самолет», чтобы плыть до г. Самары.

В Адмиралтейской слободе, называемой по-татарски «Биш-Балта», Хильми-паша заезжал попить чаю к ахуну Шарафуддину Абызову.

На пароход Хильми-паша сел в 12 ч[асов]. Провожающие [...] все пожелали Хильми-паше здоровья и после 2-го свистка удалились с парохода на пристань, причем некоторые татары целовали ему руку. На прощание Хильми-паша благодарил мусульман за необыкновенный почет и радушный прием, [...] добавил, что о русских мусульманах он имеет теперь достаточное количество верных сведений и печатных и рукописных. Прощаясь с г. губернатором Стрижевским, Хильми-паша искренне благодарил его за необыкновенное внимание, которым он, Хильми-паша, с самого прибытия в Казань до отъезда на пароход был заботливо окружен и которого он никогда не забудет. Между прочим он поблагодарил г. губернатора и за то, что его превосходительство

приставил к нему знатоков археологии, истории и этнографии Поволжья (Ашмарина и Катанова), без объяснений которых он недостаточно и [не]правильно познакомился бы с краем.

Ровно в 1 ч[ас] самолетский пароход увез Хильми-пашу вниз по Волге. [...]

Члены Казанского временного комитета по делам печати Н. И. Ашмарин, Н. Ф. Катанов.

Хильми паша в Казани. 15, 16 и 17 апреля 1910 года. - Казань. - 1910 - 23 с.

Российская государственная библиотека, № В 21\4.